

Глава 2

Плен

— Хью-у-у!

Ламина дунула в костяной свисток. Резкий, пронзительный свист закружился в воздухе, и большерогий олень, повинуясь сигналу, легко перемахнул через глубокую расщелину горного ручья.

Нова инстинктивно крепче обхватил шею животного. Под его пальцами перекатывались тугие узлы мышц; короткая бурая шерсть зверя, за которым Наталинцы явно ухаживали с большой заботой, лоснилась и была неожиданно чистой.

Их уводили почти силой. Нова невольно вспомнил тот взгляд — он не мог разглядеть лица незнакомца, ведь без очков мир превратился в туманное марево, но интуиция подсказывала: тот человек наблюдал именно за ним. В тот миг он понял, что ощущал капитан. Пугающая, неодолимая аура, сопоставимая с мощью исполинских водяных гор, накрыла его с головой, заставив содрогнуться от безотчетного трепета.

Ламина сидела позади него, небрежно придерживая поводья. Поудобнее устроившись в седле, Нова оглянулся: капитану Скарпо и остальным матросам повезло куда меньше. Если бы молодой учёный едва не сломал свою поврежденную ногу на первом же крутом подъёме, он бы тоже сейчас плёлся позади, задыхаясь от усталости. Впрочем, наездники на оленях внимательно следили, чтобы никто из чужаков не отстал.

«Дело принимает скверный оборот»

Нова бесстрастно опустил веки. Тот златовласый мужчина явно занимал особое положение в племени, и его отношение определит судьбу всех пришлых.

Полностью погружённый в свои мысли, Нова выглядел совершенно невозмутимым. Его ничуть не смущало то, что он, по сути, сидел в объятиях женщины; зато капитан Скарпо, глядя на них, невольно вспомнил благородных дам, которых порой видел в портах — те точно так же восседали на лошадях, а кавалеры учтиво придерживали их за талию.

Это мимолётное сходство казалось нелепым: учёный в своей измятой, некогда дорогой рубашке выглядел пугающе бледным. Даже старина Джейсон на его фоне казался воплощением жизненной силы.

Впрочем, вскоре капитану стало не до ироничных сравнений. Наталинцы миновали склон и углубились в лес. Тропа становилась всё более извилистой и труднопроходимой. Деревья-исполины подпирали небо, а сквозь густую изумрудную крону на землю падали причудливые

пятна света и тени. Повсюду преграждали путь поваленные стволы, через которые большерогие олени перепрыгивали с изящной легкостью, распугивая стайки разноцветных малых драконов-ящериц. Людям же приходилось карабкаться по скользким, заросшим мхом бревнам, рискуя в любую секунду сорваться.

Воздух здесь был тяжёлым и влажным, пропитанным солью и запахом гниющей зелени. Лес обступал их плотной стеной, точно душная баня; испарения вскоре превратили одежду в мокрые тряпки, а волосы — в слипшиеся пряди. Казалось, сама кожа перестала дышать. Лишь спустя вечность откуда-то издалека дохнуло прохладой. Этот ласковый поток воздуха принёс долгожданное облегчение, и люди невольно расслабились.

Олени согласно затрубили, и после долгого свиста они сорвались в галоп. Лес остался позади, а впереди, точно божественное видение, выросли горы. Они возвышались над миром с неоспоримым величием, полностью занимая линию горизонта.

Нова услышал испуганный вскрик Балу. Наталинцы подхватили матросов, затаскивая их на спины оленей. Щуплому ученику повезло меньше всех — его подхватили за пояс и перекинули поперек седла, так что он висел на боку зверя. Скакун профессора, не колеблясь, первым нырнул в узкий, едва заметный проход в скалах.

Мир вокруг померк. В густой тени острые выступы утесов проносились в считанных дюймах от лица. Ветер свистел в ушах, и Нова инстинктивно вжал голову в плечи: на такой скорости столкновение с камнем означало бы мгновенную смерть. Если бы кто-то посмотрел на них сверху, он увидел бы, как под протяжный свист манка горы буквально проглатывают отряд, не оставляя и следа.

Высоко над облаками какая-то тень, ярко сияющая в лучах солнца, издала недовольный клеткот. Существо внезапно спикировало вниз, сбросило в воздухе некий груз и, вновь взмахнув крыльями, скрылось за заснеженными пиками.

Когда Нова слез с оленя, его ноги подкашивались. В голове всё ещё гудел ветер, но у него не было времени на передышку. Перед ним раскинулось поселение: грубые дома из камня и глины, перед каждым из которых возвышался странный шест с перекладиной. На них трепетали на ветру разноцветные длинные вымпелы, эффектно выделяясь на фоне пронзительно-синего неба и величественных снежных гор.

За спиной послышались изумленные вздохи — капитан Скарпо и матросы застыли, пораженные увиденным. Нове же не дали времени на осмотр: воины-наталинцы, до этого казавшиеся вполне дружелюбными, бесцеремонно подтолкнули его к одной из хижин. Оставив внутри кувшин с водой и кусок черствого, твердого как камень «хлеба», они захлопнули дверь. Раздался резкий щелчок.

Профессор постоял в нерешительности, затем, прихрамывая, подошел к входу и толкнул его.

Заперто. Прижавшись ухом к стене, он уловил далекие, полные паники крики матросов, но вскоре и они стихли.

«Что всё это значит?»

Он медленно нахмурился. Ему оставили еду и воду, значит, убивать прямо сейчас не собираются. В памяти невольно всплыли описания кровавых ритуалов, процветавших в эпоху Войны Богов. В любом мире жизнь чужеземца для религиозных фанатиков ценилась куда выше, чем плоть жертвенного животного.

Нова медленно перебрался на кровать, один взгляд на которую заставлял кости ныть. Каменное изголовье было украшено резными узорами, почти стершимися от времени. Но даже так, проведя по ним пальцами, он узнал знакомые мотивы — те же спиралевидные вихри, что видел на наручах воинов. Знак Утоски, бога бурь.

В Империи Серебряного Ириса многие бродячие поэты тайком вырезали этот символ на своих кроватях, надеясь на покровительство «Непредсказуемого» бога в поисках ускользающего вдохновения.

Насколько помнил Нова, у жрецов Утоски не было обычая приносить человеческие жертвы. Хотя достоверных сведений об этом божестве сохранилось крайне мало, дошедшие до них манускрипты не описывали его как бога, жаждущего страданий.

Будь Нова сейчас в своём кабинете в Университете Белой Башни, он бы по стилю резьбы определил эпоху создания этой хижины. Но здесь, в нарастающей тишине, его вновь накрыла волна дурноты. Черноволосый юноша сквозь перчатку сдавил переносицу. Жжение в носу ясно давало понять: у него лихорадка, и силы стремительно покидают тело.

«Чашка кофе была бы сейчас как нельзя кстати, — сказал он самому себе. — Но, к сожалению, тебе нужен отдых. Твои руки налиты свинцом, лодыжки горят огнем, дыхание прерывисто, а мысли тонут в тягучем, липком мареве... Но если прикоснуться к груди, ты почувствуешь, как бьётся сердце. Ты всё ещё хозяин своего тела. Дыши. Просто продолжай дышать... Твой мозг подсказывает единственно верное решение: тебе нужно поспать»

В полумраке тесной комнаты на пол полетели пропитанные солью, липкие рубашка и брюки. Чужак, подчиняясь механическому инстинкту, опустился на жесткое ложе и свернулся калачиком. Из его горла вырвался невольный, едва слышный стон.

Он хотел было почесаться, но из-за плотно сидящих перчаток лишь оставил на ключицах и плечах несколько бледных покраснений.

Солнце за окном медленно клонилось к закату. Тени, ползущие от его лодыжек, постепенно поглотили фигуру на кровати, пока та не погрузилась в тяжелое, граничащее с забытием состояние.

— Избранный богом.

Высокая воительница с копной огненно-рыжих волос и глубоким, диким взглядом стояла у входа в деревню. Увидев всадника, Ламина тут же направилась к нему.

— Прости, я немного задержался, — мягко произнёс мужчина, мягко глядя на неё. — Айзелла решила показать свой характер на полпути.

Капризная молодая дракониха, разомлев на солнце, утомилась следить за чужаками. Стоило отряду войти в Ущелье Возрождения, как она просто сбросила надоедливого хозяина со спины — мол, сам дойдешь.

Смеркалось. Ветер окреп, раздувая плащ Избранного богом и подчеркивая его высокую, статную фигуру.

Воительница покачала головой:

— По вашему приказу незваных гостей разделили и заперли. Только их вожак выглядит как опытный боец, но он мне не ровня. Что касается черноволосого... Похоже, он не из тех, кто привык к тяжелому труду. В остальном ничего подозрительного.

— Благодарю за службу, Ламина, — Избранный богом едва заметно кивнул.

— Справиться с ними было проще простого, — фыркнула Ламина. Слышали бы эти слова матросы, их лица были бы весьма красноречивы. Она замялась и с любопытством спросила: — Тот черноволосый... он действительно один из тех аристократов, о которых рассказывала старушка Нака? Те, кто не добывает еду своим трудом и даже не может сам одеться?

Она вспомнила те серые глаза — острые, холодные, смотрящие на мир с тем едва уловимым высокомерием, которое граничит с оскорблением. К счастью, в его взгляде не было ни жадности, ни презрения, иначе она бы точно заставила бы его помучиться.

— Да, он аристократ, — Избранный богом направился в глубь деревни. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет, но, заметив тревогу на лице спутницы, добавил: — Не волнуйся, я во всём разберусь.

Ламина не последовала за ним. Она осталась на месте, покусывая губу, и спустя мгновение негромко спросила:

— Избранный богом... неужели со Стеной Вздохов что-то не так?

В её голосе звучала неподдельная серьезность, за которой скрывались страх и неуверенность. За триста лет ни одна душа не смогла пробиться к ним с той стороны Стены.

Силуэт мужчины на мгновение замер. Он стоял спиной к соплеменнице, и закатное солнце окрасило золото его волос в кроваво-красный цвет. Его голос звучал пугающе спокойно:

— Ламина, шторм, пришедший к нам три века назад, бушевал слишком долго. Теперь он начинает стихать. — Его слова звучали многозначительно, словно он знал нечто большее. — А ветер, как известно, переменчив...

Мужчина обернулся, и его взгляд стал холодным:

— Не бойся. Ничто не смеет осквернить гнездо Ветрохода.

От этого мягкого и спокойного юноши внезапно повеяло той самой сокрушительной аурой, что так напугала чужаков. Ламина в благоговейном трепете затаила дыхание.

— Даю слово: буря снова наберет силу и сотрет в порошок любого, кто посмеет причинить вред Наталинцам. Кем бы он ни был.

<http://bllate.org/book/15312/1354358>